

Михаил ШВЫДКОЙ:

МОИ ДРУЗЬЯ – МОЯ НАСТОЯЩАЯ РАДОСТЬ. Все остальное – профессия

Михаил Ефимович, каким Вам видится исторический путь, который прошла Россия в уходящем веке и сумеет ли наша страна ответить на вызов времени в веке грядущем?

– Всегда существует искушение пофантазировать на темы мировой и российской истории: что было бы, если бы Занятие замечательное и вполне безопасное, даже приносящее общественное признание. Как у любой великой страны, у России было множество исторических возможностей. И тем не менее был пройден, именно реально пройден, а не кем-то избран, вполне определенный путь. Октябрьский переворот, сталинская коллективизация, обеспечившая голод начала тридцатых годов, массовые репрессии, Великая Отечественная война – все этапы коммунистического правления унесли 70 миллионов жизней советских людей. Представители интеллектуальной элиты, просто энергичные люди покидали страну Советов на протяжении десятилетий. Милитаризованная экономика довела до истощения государственную казну и уничтожила возможность поддержать хоть какой-то минимально приемлемый уровень жизни народа. После всего этого остается только удивляться тому, что в стране остались силы перечить исторической судьбе. Мне кажется, что несмотря на все трагедии последнего пятнадцатилетия, Россия продемонстрировала поразительную жизнестойкость. Конечно, мы охотнее обращаем внимание на то, что скверно, – но это особенности отечественного зренья. Учуди провидение такой чудовищный эксперимент над

другой страной, другим народом, – не знаю, что бы вышло. А мы выжили и пытаемся вернуть утраченное величие. И это само по себе заслуживает уважения. Нужно всегда делать усилие, – даже тогда, когда это усилие кажется почти бессмысленным.

– Ваши ожидания итогов парламентских выборов в части изменения ситуации в стране? Станет ли новый парламент истинным, жестким и последовательным выразителем волеизъявления народа, а власть – восприимчивее к общественным инициативам?

– Я никогда не выступаю с политическими прогнозами – это не моя специальность. Но могу сказать, что мне ближе такой парламент, который не станет тратить время на отставку правительства Путина или на переписывание действующей Конституции. Эти действия будут носить чисто политиканский характер, далекий от реальных потребностей страны. Парламент – институт демократического общества, но вовсе не общественный институт, он живет как ветвь власти, по своим законам, – часто далеким от правил жизни обывателей. Наивно думать, что парламент – при нынешней системе выборов – стопроцентно отражает народное мнение. Неслучайно результаты парламентских выборов в России в 90-е годы прямо противоположны результатам выборов президента. Выборы разных ветвей власти демонстрируют свою взаимную дополнительность – и это свидетельство природного здравомыслия избирателей. Поэтому не надо делать поспешных выводов после депутатских выборов, давайте дождемся лета 2000-го года.

– Вы являетесь членом Совета Попечителей Национального Фонда «Общественное признание», учредившего высшую общественную награду Золотой Почетный знак «Общественное признание» и сопредседателем Президиума Независимой Ассоциации «Гражданское общество». Чем обусловлено Ваше активное участие в деятельности этих общественных организаций и как, на Ваш взгляд, проходит процесс становления гражданского общества в России?

– Знак «Общественное признание» – это знак, который вручается людям за определенные достижения, успехи в сфере строительства гражданского общества. В России, как мне представляется, гражданское общество только формируется. Не случайно, быть может, нет достаточно внятных определений тем ветвям власти, которые существуют сегодня. Парламентарии считают, что они представляют институты гражданского общества, но это совсем не так. Они являются представителями демократических институтов государства, но не общества. У нас вообще в России привычно путают целый ряд понятий: государство, общество, страна, в которой мы живем, и это связано с длительным периодом монархизма в России и с десятилетиями существования советской власти. И при монархии и при советской власти государство, общество и страна обычно отождествлялись. Как правило, эти понятия соединялись воедино, как правило, отождествлялись с фигурой одного лидера страны. В нормальном обществе, при нормальном историческом процессе общество, государство, страна, отечество никогда не «покрывают» друг друга. Они все находятся в разных плоскостях. Конечно, они могут быть взаимосвязаны и частично покрываясь одно другим, но никогда не тождественны. Это очень важно для понимания, потому что институты власти, ветви власти даже в демократическом обществе вовсе не обязательно должны являться институтами гражданского общества, которые, прежде всего ориентируются на самодеятельность граждан. У нас в этом смысле ближе всего к институту гражданского общества, к примеру, в региональном плане является муниципальное образование. Но я в принципе воздержался бы от того, чтобы говорить о том, что в России сформировано гражданское общество. Сделаны какие-то первые маленькие шаги в этом направлении. Гражданское общество имеет свои параметры и довольно жесткие регламентации. Я приведу только один пример. Чтобы получить гражданство в России нужно написать в специальную комиссию при президенте по вопросам гражданства. Это абсолютно государственный орган власти, который определяет, может быть человек гражданином России или нет. Этот орган, в конечном счете, определяет судьбу гражданства и гражданина. Для того, чтобы получить гражданство в Швейцарии, нужно, чтобы с этим согласились жители квартала, в котором ты прожил 10 лет. Чтобы твои соседи, с которыми ты прожил бок о бок эти долгие годы, решили, можешь ли ты быть гражданином этой страны. От решения твоих соседей зависит твоя судьба как гражданина страны. Вот это, я считаю, очень важно для понимания, что есть гражданское общество. Это очень непростое, потому что соседи бывают разные, да и представление о добропорядочности многообразно. Мне кажется, очень важно понимание того, что не государство определяет права граждан, а граждане делегируют государство, отчуждают его. Это очень существенно для понимания роли гражданского общества в любом государственном устройстве. Но Россия страна патерналист-

Его коллеги журналисты всегда рядом

ская, страна, где государство всегда было патроном любого гражданина. Я думаю, что многие проблемы, которые существуют в этот переходный период, связаны с этим. Все граждане ждут чего-то от государства, потому что по существу и советское государство и монархическое государство отбирало у граждан все права, а потом понемногу возвращало их или не возвращало. Главная задача на сегодня в России – это от абсолютно патерналистского понимания государственного устройства перейти к разумным нормам гражданского общества. И в этом смысле знак «Общественное признание» и сам фонд «Гражданское общество», с моей точки зрения, играют очень важную роль. Весь вопрос в том, что необходимо утвердить в сознании людей важность этого института, потому что это общественный институт по-настоящему, и я думаю, что Знак этого Фонда и Кавалеры этого Фонда – это некие символы того, чего может добиться человек сам по себе, вопреки государственным обстоятельствам. Я думаю, что та некая миссия, которую взял на себя Фонд, очень важна и для формирования особого типа сознания. Осознания того, что твоя личная ответственность за развитие страны, за общество имеет смысл. Одна из проблем отношений России с Западом связана с тем, что мы от Запада ждали проявлений какого-то патернализма. Когда был «железный занавес» и в нем просверливали разные дырки, и мы смотрели друг на друга, то нам казалось, что вот там-то нас ждут с распростертыми объятиями. Что нормы западной демократии являются идеальными и для России. То было одним из самых больших наших заблуждений.

Важно понять, что только мы сами в состоянии изменить судьбу нашей страны.

– Михаил Ефимович, как Вы относитесь к утверждению, что сегодня СМИ стали выполнять функции не четвертой власти, а третьей – судебной? Иными словами, они уже не информируют общество, а выносят приговоры? Отсюда информационные войны, никак не способствующие стабилизации и консолидации общества.

– Не надо ругать СМИ и делать вид, что они существуют вне общества. При этом нельзя забывать, что по своей природе они озвучивают, делают публичным то, что важно тем или иным политическим силам. А сегодня заказывают не

только слова, но и порядок слов. Сегодня существует немало законов, которые позволяют регулировать качество эфира и печатных СМИ. Это вполне действенные законодательные акты, которые дают широкие возможности обществу. Важно научиться ими пользоваться. И это уже проблема общества, а не СМИ. И, на мой взгляд, характер СМИ будет меняться вместе с развитием культуры общественных отношений. Словом, нечего на зеркало пенятьЕ

– Вы один из немногих россиян, которые удостоены ордена Франции «За заслуги». Мне известно, что это связано с успешным осуществлением ряда совместных акций и проектов во Франции и России в области культуры. Пожалуйста, познакомьте подробнее с

Михаил Ефимович Швыдкой

Выпускник ГИТИСа, доктор искусствоведения, профессор. Два десятилетия посвятил редакционной деятельности. Сначала в журнале «Театр», затем в качестве генерального директора редакционно-издательского комплекса «Культура» Министерства культуры России. С 1993 по 1997 в Министерстве культуры РФ, в должности заместителя министра. Последние годы – на телевидении, в качестве руководителя телеканала «Культура», а с мая 1998 года – председатель Всероссийской государственной телерадиовещательной компании (ВГТРК).

Редкие минуты отдыха

этой стороной вашей деятельности.

– Русскую культуру очень плохо представляют на Западе. В западных музеях почти нет русской живописи. О русском искусстве знают мало. Есть имена культовые: Станиславский, Стравинский, Дягилев. Отсюда важная наша забота – это пропаганда русского искусства XX века на Западе. Когда я работал в министерстве культуры и как зам. министра отвечал за зарубежные связи, то своей важной миссией считал продвижение русской культуры, современной русской культуры на Запад. И в этом смысле отношения России и Франции были наиболее показательными. Французы с конца 80-х годов начали огромный проект под названием «Пушкин», в котором я участвовал в разных ипостасях: и как директор издательства, и как зам. министра. Речь шла о публикации на русском языке французской литературы, французской поэзии, классической прозы и французских философских сочинений, которые никогда не издавались в России. Проект этот был важен для России, потому что Россия как бы преодолевала некий идеологический вакуум, который существовал в годы советской власти. С другой стороны мы очень много делали для того, чтобы русское искусство, в первую очередь современное, – прежде всего театр, музыка и живопись, стали более популярны во Франции. Так, одной из крупных акций министерств культуры и России, и Франции стал русский сезон в Авиньоне, где были представлены высшие достижения русского театра. Я думаю, что именно с этим связано мое награждение французским орденом. В общем-то я довольно спокойно отношусь к разного рода наградам, хотя это, конечно, приятно всегда.

– При всей Вашей жесткости, Михаил Ефимович, в хорошем смысле, как политика и руководителя, Ваш телевизионный имидж как телеведущего – мягкого собеседника, интеллигента – скорее философичен, романтичен даже. Ответьте, пожалуйста, какими мы станем в 2000-ом году? Какими в состоянии быть?

– После 50-ти лет трудно сохранить юношеский романтизм. Но важно понимать – при обилии анекдотов о пессимистах и оптимистах – что само бытие есть некий позитивный акт. Человеческая жизнь трагична изначально: все мы знаем, что жизнь не длится вечно, что она конечна. Но при этом мы цепляемся за жизнь, и не просто цепляемся, но стараемся творить жизнь и творить в жизни, добиваемся каких-то результатов и т.д. и т.п. Значит мы можем выступать соавторами природы и Бога, – кому как нравитьсяЕ А это великий шанс, который нельзя упустить. У нас есть возможность максимально выявить лучшие человеческие качества, и не стоит избегать встречи с судьбой. Думаю, что у России эта судьба в XXI веке будет трудной, но не столь трагичной, как в веке минувшем. Уверен, что многое зависит от каждого из нас. От того, сможем ли мы выполнить свою личную и общественную миссию в этом мире.

– И последнее. Вы так трудно выкраивали время для интервью, что объяснимо вашей чрезвычайной занятостью, ненормированным графиком работы. Найдите ли вы время для отдыха, любимых занятий и увлечений?

– На что точно не хватает времени, так это на мои главные увлечения и хобби, – на общение с друзьями. Это очень плохо, потому что это единственная настоящая радость, которая существует у меня в жизни. Все остальное относится к моей профессиональной деятельности. Я очень люблю ходить в консерваторию, в музеи, в театры, но это все-таки практически всегда было моей работой. Это моя жизнь. От последних лет моей жизни прежде всего страдает моя семья, мои друзья. Ситуацию несколько скрашивает то обстоятельство, что также на телевидении работают и мой сын, и моя жена, и мы понимаем друг друга более-менее хорошо.

Екатерина БОРТНИК